

DOI 10.23859/1994-0637-2019-2-89-14
УДК 81'42

© Казаковцева О. С., 2019

Казаковцева Ольга Сергеевна

Аспирант, Петрозаводский
государственный университет
(Петрозаводск, Россия)
E-mail: olga_danilova90@mail.ru

Olga Sergeevna Kazakovtseva

Post-graduate student,
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)
E-mail: olga_danilova90@mail.ru

**ПОЗИЦИЯ МЕСТОИМЕННОГО
АТРИБУТА В ДРЕВНЕРУССКИХ
ТЕКСТАХ ЭПИСТОЛЯРНОГО ЖАНРА**

**THE POSITION OF THE
PRONOMINAL ATTRIBUTE IN THE
OLD RUSSIAN EPISTOLARY TEXTS**

Аннотация. В настоящей статье производится анализ субстантивно-атрибутивных словосочетаний в четырех древнерусских текстах эпистолярного жанра XI–XIII вв. Целью работы является анализ семантико-грамматических факторов, оказывающих влияние на расположение атрибута в именных группах, в частности, для проверки гипотезы Ф. Р. Минлоса и Д. Ворта о зависимости положения атрибута, выраженного местоимением, от одушевленности определяемого им имени существительного (при одушевленном существительном атрибут обычно находится в постпозитивном положении). Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью многих проблем исторического синтаксиса древнерусской эпохи в целом и вопросов, связанных с факторами, влияющими на порядок расположения компонентов в словосочетании, на материале эпистолярных памятников начального периода становления грамматического строя русского языка. В ходе предпринятого в рамках статьи анализа, используя описательно-сопоставительный метод и метод сплошной выборки, нам удалось выяснить, что зависимость положения атрибута от одушевленности определяемого им имени существительного проявляется только на примере указательных и притяжательных местоимений. Конструкции с атрибутом определительным местоимением – в 87 % случаев используются с неодушевленными существительными, но даже в случае употребления одушевленных существительных (13 %) они также занимают препозитивное положение. Ввиду чего мы можем заключить, что на данный разряд местоимений свое влияние оказывает только морфологический принцип расположения компонентов атрибутивного ряда.

Abstract. This article analyzes the substantive-attribute phrases in four Old Russian texts of the epistolary genre of the XI–XIII centuries. The aim of the work is to analyze the semantic and grammatical factors that influence the placement of the attribute in nominal groups, in particular to test F. R. Minlos and D. Vort's hypothesis about dependency between the position of the attribute expressed by possessive pronouns and the animacy of the qualified noun (with the animate noun the attribute is in postposition). The topicality of the study is determined by the insufficient information on the problems of historical syntax and the factors influencing the word order on the material of epistolary texts of the initial period of the grammatical structure formation in the Russian language. In the course of the study, using the descriptive-comparative method and the method of continuous sampling, we have found out that there is a dependency between the position of demonstrative and possessive pronouns and the animacy of the qualified nouns. The attribute expressed by a defining pronoun with both inanimate nouns (87 %) and animate nouns (13 %) is in a preposition. We can therefore conclude that the position of a defining pronoun depends on the morphological principle of the components' arrangement in the attribute phrase.

Ключевые слова: древнерусский язык, порядок слов, субстантивно-атрибутивное словосочетание, эпистолярный жанр, одушевленность существительного

Keywords: Old Russian language, word order, substantive-attribute phrase, epistolary genre, animate noun

---

Введение

Основным средством выражения согласованного определения в древнерусском языке, помимо прилагательного, числительного и причастия, было местоимение. Позиция атрибута, выраженного местоимением, как и именем прилагательным, по мнению исследователей, зависела от его лексико-грамматического разряда [1, с. 145], [7, с. 26], [8, с. 64–67].

Ф. Р. Минлос, развивая идеи Д. Ворта [11], отмечает, что на положение притяжательных местоимений свое влияние оказывает одушевленность определяемого им существительного (при одушевленном существительном притяжательное местоимение постпозитивно) [5], [6]. Отметим, что в период создания анализируемых памятников формально выраженная категория одушевленности отсутствовала, хотя семантическое различие имён, называющих «живые» и «неживые» предметы, несомненно, проявлялось в языковом сознании человека [2]. В связи с этим в данной работе под словосочетаниями «одушевленное существительное» и «неодушевленное существительное» понимаем семантическую (не получившую на тот момент последовательного морфологического выражения) одушевленность / неодушевленность.

Мы, в свою очередь, предпринимаем попытку определить влияние вышеуказанного фактора не только на притяжательные местоимения, но и на другие разряды местоимений.

Основная часть

Материалом исследования послужили четыре памятника эпистолярного жанра: «Послание Климента Смолятича» (далее – Посл. КС), «Послание Якова-черноризца к князю Дмитрию Борисовичу» (Посл. Як), «Послание Феодосия Печерского к князю Изяславу Ярославичу» (Посл. ФП), «Послание епископа Даниила к Владимиру Мономаху» (Посл. Дан)¹. Выбор используемых для анализа текстов не случаен: с точки зрения порядка слов указанные памятники исследователями не изучались (исключение составляет только «Послание Феодосия Печерского к князю Изяславу Ярославичу», используемое для общего анализа авторами «Исторической грамматики русского языка» [3]).

Методом сплошной выборки мы получили 118 атрибутивных конструкций, из которых 56 (48 %) – с препозитивным положением атрибута и 62 (52 %) – с постпозитивным положением (см. табл. 1).

Количественное соотношение препозитивных и постпозитивных словосочетаний с атрибутом, выраженным местоимением

Разряд местоимения	Посл. КС	Посл. Як	Посл. ФП	Посл. Дан
Препозитивное положение				
Определительное	4	3	10	1
Притяжательное	12	5	6	3
Указательное	4	0	7	1
Постпозитивное положение				
Определительное	-	-	-	-
Притяжательное	26	20	2	10
Указательное	2	2	0	0

Произведя анализ данных словосочетаний, отметим, что определительные местоимения употребляются исключительно перед определяемым словом, указательные местоимения (12 случаев (75 %)) тяготеют к препозитивному положению, а притяжательные (58 примеров (69 %)), наоборот, к постпозитивному.

Для притяжательного местоимения *свои* характерно постпозитивное положение (16 (43 %) случаев препозиции, 21 пример (57 %) постпозиции), что подтверждает мнение исследователей-сторонников морфологического принципа расположения компонентов атрибутивного словосочетания, согласно которому притяжательные местоимения обычно располагаются в постпозиции, тогда как определительные и указательные тяготеют к положению перед определяемым словом [1], [7], [8]. Что касается влияния одушевленности определяемого существительного на положение атрибута, то полученные примеры также являют нам эту зависимость: при одушевленном существительном 6 местоимений располагаются в постпозиции, 4 – в препозиции, например, *брату своему* (Посл. КС, с. 126), *отца своего* (Посл. КС, с. 124).

Однако атрибутивные словосочетания с определяемым словом, выраженным именем существительным, обладающим семантическим признаком неодушевленности, также демонстрируют нам схожие результаты: при неодушевленном существительном 12 (56 %) местоимений располагается в постпозиции, 15 (44 %) – в препозиции, например, *своа знамениа* (Посл. КС, с. 132).

Исходя из анализа полученных данных, мы можем заключить, что на расположение притяжательного местоимения *свои* большее влияние оказывает его морфологическое выражение, нежели одушевленность определяемого им существительного.

В атрибутивных конструкциях с притяжательным местоимением *мои* мы наблюдаем незначительное преобладание постпозитивного положения атрибута (2 препозитивных словосочетания – 3 постпозитивных): *по сердцю моему* (Посл. Дан, с. 56), *братии моеи* (Посл. Дан, с. 56), *моего ума* (Посл. Як, с. 390).

Конструкции с существительными, обладающими семантическим признаком одушевленности, представлены всего двумя примерами: *княже мои* (Посл. ФП,

с. 169), *мои ученицы* (Посл. КС, с. 390), причем с разной позицией атрибута, поэтому сделать заключение о влиянии одушевленности определяемого существительного на положение притяжательного местоимения *мои* мы не можем.

Проанализировав атрибутивные словосочетания с притяжательным местоимением *твои*, отмечаем, что данное местоимение демонстрирует нам явное преобладание постпозитивного положения атрибута (4 (20 %) препозитивные конструкции – 16 (80 %) постпозитивных), например, *писания твоя* (Посл. КС, с. 118), *руку твою* (Посл. Як, с. 392). Также в данных словосочетаниях наблюдается преобладание постпозиции атрибута при одушевленном существительном (1 (17 %) препозитивное словосочетание, 5 (83 %) – постпозитивных): *отца твоего* (Посл. Дан, с. 56), *раби твои* (Посл. КС, с. 120). Таким образом, расположение атрибутивных конструкций с притяжательным местоимением *твои* подтверждает мнение исследователей о влиянии на расположение атрибута его морфологического выражения [1], [7], [8] и одушевленности определяемого им слова [5], [6], [9], [10].

Аtribuтивные конструкции с местоимением *наш* демонстрируют нам, в отличие от остальных рассмотренных случаев употребления притяжательного местоимения, незначительное преобладание препозитивного положения атрибута (3 (60 %) препозитивных конструкции, 2 (40 %) – постпозитивных), например, *наша земля* (Посл. ФП, с. 171), *к нашему тщеславию* (Посл. КС, с. 118). В полученном материале мы обнаружили всего одну постпозитивную конструкцию с одушевленным существительным (*Господь наш* (Посл. КС, с. 128)), поэтому говорить о влиянии определяемого слова на положение атрибута в данном случае не представляется возможным.

В атрибутивных словосочетаниях с местоимением *ваш* наблюдаем равное процентное соотношение препозитивного и постпозитивного положения атрибута (по одной атрибутивной конструкции): *вашею любовью* (Посл. Як, с. 390), *от избытка вашего* (Посл. ФП, с. 169) при неодушевленных существительных.

Аtribuтивные конструкции с местоимением *его* (*ея*) абсолютно постпозитивны: *отъ усть ея* (Посл. Як, с. 386), *персть его* (Посл. КС, с. 120). Из общего числа данных словосочетаний 4 конструкции – с существительными, обладающими семантическим признаком одушевленности, например, *братъ его* (Посл. КС, с. 126), *сноха его* (Посл. КС, с. 122), *жену его* (Посл. КС, с. 126), *сестру его* (Посл. Як, с. 388). Примечательно, что препозитивных словосочетаний с подобными существительными нет вовсе.

Местоимение *ихъ* употреблено всего в одном словосочетании, однако и здесь мы наблюдаем положение атрибута после определяемого слова: *учитель ихъ* (Посл. Як, 388).

Таким образом, обобщив полученный материал, мы можем сделать вывод, что притяжательные местоимения тяготеют к положению после определяемого слова: 26 (31 %) препозитивных словосочетаний, 58 (69 %) – постпозитивных (см. табл. 2). При определяемом слове, выраженном одушевленным именем существительным, в 75 % случаев (18 примеров из 24) притяжательные местоимения располагаются в постпозиции (см. табл. 2).

Расположение притяжательных местоимений

Местоимение	Препозиция	Постпозиция	Препозиция при одушевленном существительном	Постпозиция при одушевленном существительном
<i>свои</i>	16	21	4	6
<i>мои</i>	2	3	1	1
<i>твои</i>	4	16	1	5
<i>наши</i>	3	2	-	1
<i>ваши</i>	1	1	-	-
<i>его, ея</i>	-	14	-	4
<i>ихъ</i>	-	1	-	1

Указательные местоимения в древнерусском языке, по мнению В. З. Санникова, тяготеют к положению перед определяемым словом [8]. Рассмотрим, найдет ли подтверждение данное суждение в текстах эпистолярного жанра.

Проанализировав атрибутивные словосочетания с указательным местоимением *сь*, замечаем, что препозитивных конструкций с этим местоимением больше, чем постпозитивных: 6 (86 %) случаев с препозицией, 1 (14 %) – с постпозицией, например, *сию въру* (Посл. ФП, с. 172), *сего залога* (Посл. КС, с. 122). С одушевленным атрибутом располагается единожды: *сего брата* (Посл. КС, с. 126), поэтому сделать вывод о влиянии определяемого слова на положение атрибута нам не представляется возможным.

Рассматривая атрибутивные конструкции с указательным местоимением *тотъ*, наблюдаем незначительное преобладание препозитивного положения атрибута (3 (60 %) препозитивных конструкции, 2 (40 %) – постпозитивных), например, *в тѣхъ днѣхъ* (Посл. ФП, с. 168), *в той год* (Посл. КС, с. 138). Что касается словосочетаний с одушевленным существительным, то и здесь мы встречаем единичный пример с постпозитивным атрибутом: *блудникъ тѣ* (Посл. КС, с. 122), который не дает нам права сделать вывод о влиянии определяемого слова на положение атрибута.

Указательные местоимения *такии*, *таковыи* употребляются исключительно перед определяемым словом: *такыхъ дѣяний* (Посл. ФП, с. 172), *таковъ разумъ* (Посл. Дан, с. 56).

Таким образом, выполнив анализ атрибутивных конструкций с указательным местоимением, отметим, что в текстах эпистолярного жанра превалируют препозитивные словосочетания (12 (75 %) случаев препозиции, 4 (25 %) случая постпозиции; см. табл. 3). При существительном, обладающем семантическим признаком одушевленности, атрибут в 75 % случаев (в трех конструкциях из четырех) находится после определяемого слова (см. табл. 3), что доказывает предположение Ф. Р. Минлоса [5], [6] и Д. Ворта [11], а также влияние морфологического принципа [1], [7], [8].

Таблица 3

Расположение указательных местоимений

Местоимение	Препозиция	Постпозиция	Препозиция при одушевленном существительном	Постпозиция при одушевленном существительном
<i>сь, сеи</i>	6	1	1	-
<i>тоть</i>	3	3	-	3
<i>такьи</i>	3	-	-	-

Определительные местоимения в текстах древнерусских посланий употребляются исключительно в препозиции (см. табл. 4), к примеру, *самого Господа* (Посл. ФП, с. 170), *иноя в҃тры* (Посл. ФП, с. 171), что вновь подтверждает мнение сторонников морфологического принципа расположения компонентов атрибутивного ряда [1], [7], [8]. Самым распространенным является местоимение *вьсь* (10 случаев употребления из 16): *всему миру* (Посл. КС, с. 138), *всего мира* (Посл. Як, с. 386).

Таблица 4

Расположение определительных местоимений

Местоимение	Препозиция	Постпозиция
<i>вьсь</i>	10	-
<i>в҃сякъ</i>	3	-
<i>самь, самый</i>	1	-
<i>инои</i>	4	-

Ввиду того, что данные атрибуты располагаются исключительно в препозитивном положении, мы можем сделать вывод, что одушевленность существительного на данный разряд не оказывает своего влияния. Однако важно отметить, что в 15 случаях (87 %) данные атрибуты используются с семантически неодушевленными существительными. Таким образом, на расположение компонентов в словосочетаниях с атрибутом, выраженным определительным местоимением, оказывает свое влияние только морфологический принцип.

Выводы

Таким образом, произведя анализ атрибутивных словосочетаний с атрибутом, выраженным местоимением, заключим, что для притяжательных местоимений в текстах эпистолярного жанра XI–XIII вв. характерна постпозиция атрибута (69 % постпрезитивных конструкций), указательные местоимения демонстрируют нам тяготение к препозитивному положению (75 % препозитивных конструкций), тогда как определительные местоимения всегда занимают положение перед определяемым словом. Влияние одушевленного существительного на расположение атрибута проявляется в словосочетаниях с притяжательным и указательным местоимениями.

Примечание

¹Тексты цитируются по изданиям:

1. Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 1997. Т. 4. С. 118–140.
2. Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриевой, А. А. Алексева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 2005. Т. 5. С. 386–394.
3. Еремин И. П. Литературное наследие Феодосия Печерского // Труды Отдела древнерусской литературы / ред. В. П. Адрианова-Перетц. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1947. Т. 5. С. 159–184.
4. Поньрко Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси: исследования, тексты, переводы. СПб.: Наука, 1992. С. 49–58.

Material resources

1. Biblioteka literatury Drevnei Rusi: pod red. D. S. Likhacheva, L. A. Dmitrieva, A. A. Alekseeva, N. V. Ponyrko [Library of the Ancient Rus literature]. St Petersburg: Nauka, 1997, vol. 4, pp. 118–140.
2. Biblioteka literatury Drevnei Rusi: pod red. D. S. Likhacheva, L. A. Dmitrievoi, A. A. Alekseeva, N. V. Ponyrko [Library of the Ancient Rus literature]. St Petersburg: Nauka, 2005, vol. 5, pp. 386–394.
3. Eremin I. P. Literaturnoe nasledie Feodosiia Pecherskogo [Feodosii Pecherskii's literary heritage]. *Trudy Odela drevnerusskoi literatury*: red. V. P. Adrianova-Peretts [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Moscow, Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1947. vol. 5, pp. 159–184.
4. Ponyrko N. V. Epistol'noe nasledie Drevnei Rusi: issledovaniia, teksty, perevody [The epistolary heritage of the Ancient Rus: research, texts, translations]. St Petersburg: Nauka, 1992, pp. 49–58.

Литература

1. Бирнбаум Х. Праславянский язык: достижения и проблемы в его реконструкции. М.: Прогресс, 1986. 511 с.
2. Ильченко О. А. Семантика грамматики: Оппозиция одушевленности-неодушевленности в синхроническом и диахроническом аспектах: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар: [б. и.], 2004. 231 с.
3. Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Простое предложение / под ред. В. И. Борковского. М.: Наука, 1978. 445 с.
4. Минлос Ф. Р. Линейное положение прилагательных в древнерусском: возвращаясь к статье Д. Ворта // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2. С. 287–296.
5. Минлос Ф. Р. Что притягивает притяжательные местоимения или линейная позиция атрибутов // Вопросы русского языкознания. М.: МГУ, 2010. Вып. III. С. 279–290.
6. Минлос Ф. Р. Позиция притяжательного местоимения и языковые регистры древнерусских текстов // Исследования по славянской филологии. Особенности сосуществования диалектной и литературной форм языка в славянской среде. М.: Институт славяноведения РАН, 2012. С. 234–245.
7. Обнорский С. П. Очерки по истории русского литературного языка. М.; Л.: Академия Наук СССР, 1946. 199 с.
8. Санников В. З. Согласованное определение // Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Члены предложения. М.: Наука, 1968. 295 с.
9. Улитова А. С. Порядок слов в атрибутивных словосочетаниях в памятниках русской деловой и книжной письменности XVII века: дис. ... канд. филол. наук. М.: [б. и.], 2016. 258 с.
10. Улитова А. С. О зависимости положения притяжательных местоимений от одушевленности определяемого существительного в русской деловой письменности XVII в. // Вестник Московского университета. Сер.: «Филология». 2015. № 3. С. 226–240.
11. Worth Dean S. Animacy and adjective order: the case of новгородськь. An explanatory microanalysis // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics, XXXI–XXXII, 1985.

References

1. Birnbaum Kh. *Praslavianskii iazyk: dostizheniia i problemy v ego rekonstruktsii* [Proto-Slavic language: achievements and problems in its reconstruction]. Moscow: Progress, 1986. 511 p.
2. Il'chenko O. A. *Semantika grammatiki: Oppozitsiia odushevlenosti-neodushevlenosti v sinkhronicheskom i diakhronicheskom aspektakh* [Grammar of semantics: Opposition of animacy and inanimacy in synchronic and diachronic aspects: PhD. thesis in philol. sci.]. Krasnodar, 2016. 231 p.
3. *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka: Sintaksis. Prostoe predlozhenie*, pod red. V. I. Borkovskogo [Historical grammar of the Russian language: Syntax. Simple sentence. Ed. by V. I. Borkovskii]. Moscow: Nauka, 1978. 445 p.
4. Minlos F. R. Lineinoe polozhenie prilagatel'nykh v drevnerusskom: vozvrashchaias' k stat'e D.Vorta [The line position of adjectives in Old Russian: returning to D. Worth's article]. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian language and linguistic theory], 2010, vol. 2, pp. 287–296.
5. Minlos F. R. Chto pritiagivaet pritiazhatel'nye mestoimeniia ili lineinaia pozitsiia atributov [What attracts possessive pronouns or line position of attributes]. *Voprosy russkogo iazykoznaniiia* [Issues of Russian linguistics]. Moscow: MGU, 2010, vol. 3, pp. 279–290.
6. Minlos F. R. Pozitsiia pritiazhatel'nogo mestoimeniia i iazykovye registry drevnerusskikh tekstov [Position of possessive pronouns and linguistic registers of Old Russian texts]. *Issledovaniia po slavyanskoi filologii. Osobennosti sosushchestvovaniia dialektnoi i literaturnoi form iazyka v slavyanskoi srede* [Studies on Slavic philology. Peculiarities of coexistence of dialectal and literary forms of the language in the Slavic community]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2012, pp. 234–245.
7. Obnorskii S. P. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo iazyka* [Essays on the history of the Russian literary language]. Moscow; Leningrad: Akademiia Nauk SSSR, 1946. 199 p.
8. Sannikov V. Z. Soglasovannoe opredelenie [Agreement of the attribute]. *Sravnitel'no-istoricheskii sintaksis vostochnoslavianskikh iazykov. Chleny predlozheniia* [Comparative-historical syntax of the East Slavic languages. Parts of the sentence]. Moscow: Nauka, 1968. 295 p.
9. Ulitova A. S. *Poriadok slov v atributivnykh slovosochetaniakh v pamiatnikakh russkoi delovoi i knizhnoi pis'mennosti XVII veka* [The word order in the attribute word combinations in the monuments of Russian business and book writing of the XVII century: PhD. thesis in philol. sci.]. Moscow, 2016. 258 p.
10. Ulitova A. S. O zavisimosti polozheniia pritiazhatel'nykh mestoimenii ot odushevlenosti opredeliaemogo sushchestvitel'nogo v russkoi delovoi pis'mennosti XVII v [On the dependence of the possessive pronouns' position on the animateness of the qualified noun in the XVII century Russian business documentation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Filologiiia* [Moscow State University Vestnik. Philology], 2015, no. 3, pp. 226–240.
11. Worth Dean S. Animacy and adjective order: the case of новгородськь. An explanatory microanalysis. *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*, XXXI–XXXII, 1985.

Для цитирования: Казаковцева О.С. Позиция местоименного атрибута в древнерусских текстах эпистолярного жанра // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. № 2 (89). С. 147–154. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-2-89-14

For citation: Kazakovtseva O. S. The position of the pronominal attribute in the old Russian epistolary texts. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2019, no. 2 (89), pp. 147–154. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-2-89-214